

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-453-459

УДК 340.1:349.9.018.3

Пенитенциарно-правовая доктрина как правовая категория и метаязыковое средство формирования пенитенциарно-правовой политики

В. Е. ЛАПШИН

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация, Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир, Российская Федерация, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>, e-mail: ve_lapshin@mail.ru

В. В. ШАХАНОВ

Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Владимир, Российская Федерация, Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1251-7886>, e-mail: shakhanov.vyacheslav@mail.ru

Реферат. В науке уголовно-исполнительного права понятие «доктрина», в частности «пенитенциарно-правовая доктрина», с теоретических позиций не исследовалось. Вариативность использования в теории и на практике указанных терминов и их синонимов диктует необходимость ликвидировать существующий пробел. Понимание доктринальных оснований важно и для оценки состояния и перспектив развития пенитенциарной науки.

В статье анализируется практика использования терминов «пенитенциарно-правовая доктрина», «уголовно-исполнительная доктрина», «доктрина уголовно-исполнительного права», «пенитенциарная доктрина», «исправительная доктрина». Пенитенциарно-правовая доктрина рассматривается как часть правовой доктрины, понятие «правовая доктрина» соотносится со смежными категориями (наука, концепция, позиция), изучается влияние пенитенциарно-правовой доктрины на пенитенциарно-правовую политику.

Авторы приходят к выводу о том, что понятие «пенитенциарно-правовая доктрина» является системообразующим, выступает необходимой предпосылкой ведения научного анализа, и дают рекомендации по использованию термина «доктрина» в пенитенциарно-правовой сфере. Предлагается следующая авторская дефиниция понятия «пенитенциарно-правовая доктрина»: это поликонтекстуальное явление, отражающее как формальные аспекты пенитенциаристики (будучи ее источником), так и ее содержательную сторону (как система взглядов, средство выражения пенитенциарной мысли), выступающее носителем определенной пенитенциарно-правовой идеологии и метаязыковым средством формирования пенитенциарно-правовой политики.

Ключевые слова: пенитенциарно-правовая доктрина; правовая доктрина; уголовно-исполнительная доктрина; исправительная доктрина; доктрина уголовно-исполнительного права; пенитенциарно-правовая политика; метаязыковое средство.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история о праве и государстве.

Для цитирования: Лапшин В. Ф., Шаханов В. В. Пенитенциарно-правовая доктрина как правовая категория и метаязыковое средство формирования пенитенциарно-правовой политики. *Пенитенциарная наука*. 2020, т. 14, № 4 (52), с. 453–459. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-453-459.

Penal and Legal Doctrine as a Legal Category and a Metalanguage Means to Shape the Penal and Legal Policy

VITALII E. LAPSHIN

Vladimir State University Named After Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation, Vladimir Law Institute of FSIN Russia, Vladimir, Russian Federation, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>, e-mail: ve_lapshin@mail.ru

VYACHESLAV V. SHAKHANOV

Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Vladimir, Russian Federation, Vladimir Law Institute of FSIN Russia, Vladimir, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1251-7886>, e-mail: sahakhanov.vyacheslav@mail.ru

Abstract. So far, the science of penal law has not looked closely into the term “doctrine”, and, in particular, “penal and legal doctrine” from the theoretical point of view. Thus we find it necessary to eliminate this gap, since the use of these terms and their synonyms varies greatly in the scientific and educational activities of penal institutions. Understanding the doctrinal grounds is also important for assessing the current situation and prospects for development of the science of penal law. The article analyzes the usage of the terms “penal and legal doctrine”, “criminal-executive doctrine” “doctrine of criminal-executive law”, “penal doctrine”, “correctional doctrine”; penal and legal doctrine is considered as part of legal doctrine; we study the notion of “legal doctrine” in its relations with adjacent categories (science, concept, position); we also investigate the effects of penal and legal doctrine on the penal and legal policy. We conclude that the term “penal and legal doctrine” is the core one and acts as a necessary prerequisite for scientific analysis. We also provide recommendations for the use of the term “doctrine” in the penal law sphere and put forward our own definition of the term “penal and legal doctrine”. In the course of our research we used general scientific, sectoral (social narrative) and level methodology (methods of theoretical and metatheoretical levels of cognition in science).

Key words: penal and legal doctrine; legal doctrine; criminal-executive doctrine; correctional doctrine; doctrine of the criminal-executive law; penal and legal policy; metalanguage tool.

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of law and state.

For citation: Lapshin V.E., Shakhanov V.V. Penal and legal doctrine as a legal category and a metalanguage means to shape the penal and legal policy. *Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 4 (52), pp. 453–459. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-453-459.

Любое научное исследование, как правило, начинается с анализа используемой терминологии, ибо, как гласит известная научная аксиома, «прежде чем спорить, необходимо определиться с терминами». Стоит обратить внимание и на термины, выступающие метаязыковыми средствами, которые могут не являться родовыми (видовыми) или смежными

понятиями и категориями, но быть системообразующими и рассматриваться в качестве необходимой предпосылки ведения научного анализа. К их числу можно отнести термин «доктрина» (в пенитенциарной плоскости – «пенитенциарная доктрина», «уголовно-исполнительная доктрина», «доктрина уголовно-исполнительного права» и т. п.).

Анализ информации, представленной на официальном сайте ФСИН России, позволил выявить следующие сочетания со словом «доктрина»: религиозная доктрина, дореволюционная правовая доктрина, военная доктрина, доктрина неопределенности в праве, доктрина военной науки, доктрина уголовного наказания, доктрина продовольственной безопасности, доктрина информационной безопасности, политико-правовая доктрина государства, исправительная доктрина и др. Как видно, термин «доктрина» достаточно вариативен. Он используется в сфере научной и общественной жизни исследовательских и образовательных организаций ФСИН России, а также в процессе воспитательной работы в исправительных учреждениях. Вариативность может иметь и негативные последствия в случае, если от этого страдает точность использования научной терминологии.

Осуществленный нами в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU поиск опубликованных результатов научных исследований по ключевым словам «уголовно-исполнительная доктрина» и «доктрина уголовно-исполнительного права» результатов не дал, в то время как ключевое слово «правовая доктрина» присутствует в 331 публикации, а «уголовно-правовая доктрина» (занимает вторую позицию в рейтинге ключевых слов в сочетании с термином «правовая доктрина») – в 30 публикациях. Термин «пенитенциарная доктрина» как ключевое слово встречается в двух публикациях [7; 15], а «пенитенциарная наука» – в 19. Слово сочетание «исправительная доктрина» как ключевое слово в вышеназванной электронной библиотеке отсутствует, но фигурирует в названии одной из публикаций [12].

Все вышеупомянутые термины (уголовно-исполнительная доктрина, доктрина уголовно-исполнительного права, пенитенциарная доктрина, исправительная доктрина) могут быть рассмотрены как синонимы в случае, когда выступают в качестве средства выражения пенитенциарной мысли. Хотя здесь присутствует и некий дуализм: все они, за исключением термина «доктрина уголовно-исполнительного права», могут быть использованы как средство отражения уголовно-исполнительной политики, обнаруживая основной вектор последней, заданный в официальных документах. Для объективации вове факта использования пенитенциарно-правовой мысли логичнее применять термин «пенитенциарно-правовая доктрина», так как в рамках пенитенциар-

ристики исследуется не только правовая, но и, например, социологическая, психологическая, педагогическая проблематика.

В монографической плоскости понятие «пенитенциарно-правовая доктрина» и его синонимы не изучались, то есть не было проведено отдельных научных исследований, посвященных данной категории, не определялись ее место в соответствующем понятийном ряду, функциональная нагрузка, теоретическое и методологическое значение, соотношение со смежными понятиями и т. п. В рамках настоящей статьи мы постараемся частично восполнить данный пробел.

Важно подчеркнуть, что мы говорим о недостаточной разработанности понятия в значении правовой категории, а не социального феномена. Пенитенциарная наука (доктрина) как социальное явление исследована весьма скрупулезно, ее изучение продолжается усилиями достаточно большой плеяды ученых-пенитенциаристов, и качество достигнутых ими результатов не вызывает никаких сомнений.

С общетеоретических позиций правовую (юридическую) доктрину исследовали Р. В. Пузиков [11], А. А. Зозуля [5], С. В. Батурина [2] и Е. О. Мадаев [8]. По мнению Р. В. Пузикова, это «выработанная юридической наукой система взглядов на проблемы правового регулирования общественных отношений, выраженных в форме принципов, презумпций, аксиом и иных основоположений, которая является моделью позитивного права, служит регулятором общественных отношений, определяет приоритетные направления, закономерности и тенденции развития законодательства независимо от того, зафиксированы ли ее положения в каком-либо документе» [11, с. 73]. В контексте конструктивной критики данного определения хотелось бы обратить внимание на то, что доктрина не всегда выступает моделью позитивного права и не играет роль регулятора общественных отношений (таким являются нормы права).

С точки зрения А. А. Зозули, «юридическая доктрина представляет собой общеправовую категорию, интегрирующую совокупность юридико-научных трактовок и суждений о позитивном праве, в рамках которых разрабатываются и обосновываются юридико-познавательные формы познания права и правовых явлений, принципы, понятия, термины, конструкции, способы, средства, приемы понимания и толкования позитивного права: его источников, системы, структуры, действия и применения, на-

рушения и восстановления» [5, с. 9]. Данное определение, на наш взгляд, не является интегрирующим, то есть не охватывает все подходы, совокупность которых позволяет говорить о поликонтекстуальности анализируемого явления.

Обратить внимание на родовой для пенитенциарно-правовой доктрины термин «доктрина» нас заставили публикации Ю. Э. Ибрагимовой, посвященные разработке понятия «судебная доктрина». Следует уточнить, что практика использования термина «судебная доктрина» не носит фрагментарного характера, но и не является обширной в отечественной юридической науке. Он применяется в зарубежных правовых порядках (прежде всего, в США) как средство обобщения судебной практики на основе принципа судебного прецедента.

Полагаем, что правовая доктрина не может быть привязана к конкретному профессиональному сообществу. Мы не согласны с позицией Ю. Э. Ибрагимовой, которая рассматривает судебную и правовую доктрину как два самостоятельных явления [6, с. 80]. Профессиональные сообщества следует отличать от научных сообществ. Доктрина – сфера деятельности именно последних. Так, говоря о «пенитенциарно-правовой доктрине», мы имеем в виду результаты научной деятельности ученых-пенитенциаристов вне привязки к их служебной деятельности (далеко не все из них продолжают нести службу в УИС, а некоторые никогда и не испытывали бремя несения этой службы).

Ранее один из авторов данной статьи обращал внимание на то, что «воззрения той категории правоприменителей, которые в процессе применения права не нуждаются в глубоком рефлексивном мышлении при вынесении правоприменительного акта можно охарактеризовать как корпоративные (корпоративный стиль мышления)» [16, с. 117–118].

Судьи в рамках выполнения своих профессиональных обязанностей по отправлению правосудия занимаются не формированием судебной доктрины, а осуществлением правоприменительной и правоинтерпретационной деятельности. При этом в некоторых случаях они вырабатывают свои правовые позиции, но не судебную доктрину. Необходимо четко разграничивать разные виды деятельности. Деятельность судей – это профессиональная, а не научная деятельность. Да, в свободное от выполнения своих профессиональных обязанностей время они могут заниматься и доктриналь-

ной деятельностью по приращению научного знания, в том числе с опорой на результаты своей практической деятельности, и эти результаты будут объективированы не в судебных актах, а в научной литературе. Таким образом, можно констатировать тот факт, что разные виды деятельности отличаются друг от друга источниками объективации результатов вовне.

Итак, как уже было сказано ранее, пенитенциарно-правовая доктрина является средством выражения пенитенциарно-правовой мысли. В силу этого возникает вопрос о соотношении понятий «наука» и «доктрина». Далеко не все авторы их отождествляют. Так, на отличие правовой доктрины от правовой науки обращает внимание И. С. Зеленкевич [4]. Разграничение данных терминов происходит на фоне исследования проблематики источников права. Этот факт позволяет поставить вопрос о признании поликонтекстуальности терминов «юридическая наука» и «юридическая доктрина». В случае их рассмотрения в контексте использования как формы (источника) права термин «юридическая доктрина» выглядит предпочтительнее, так как более подходит для характеристики и формы выражения определенной правовой позиции. Не углубляясь в специфику данной проблематики, полагаем, что термин «правовая позиция» был бы более точным для обозначения научного (доктринального) воззрения как источника права. Юридическая наука в части использования терминологии весьма консервативна, что, очевидно, и объясняет практику продолжения использования для обозначения одной из форм права термина «юридическая доктрина», а не вошедшего в научный оборот преимущественно в последнее десятилетие сочетания «правовая позиция».

Е. О. Мадаев в качестве существенного признака, отличающего научное исследование от доктрины, выделяет научно-прикладной характер последней, ее нацеленность на юридическую практику [8, с. 56]. Он предлагает рассматривать правовую доктрину как «относительно самостоятельный, сложный (многоаспектный) элемент правовой системы государства, который представляет собой научно обоснованные, авторитетные воззрения и теории по поводу остальных элементов правовой системы и юридической деятельности, имеющие научно-прикладной характер и непосредственно регулятивные возможности» [8, с. 61–62]. Считаем, что нет никаких предпосылок для придания доктрине прикладного характе-

ра, скорее наоборот, доктринальность подчеркивает преобладание теоретической составляющей над эмпиризмом.

Разграничить в одной плоскости понятия «наука» и «доктрина» весьма проблематично. Научное исследование не может рассматриваться в качестве такового, если обходит вниманием авторитетные воззрения и теории, а прикладной характер – очевидная цель любого научного исследования (хотя и не во всех случаях достижимая), ибо наука направлена на «получение теоретического знания, служащего удовлетворению базовых человеческих потребностей» [13, с. 347]. Однако прикладной характер не может быть постоянным спутником науки. Некоторые ученые видят смысл ее существования в опережающем отражении действительности [3, с. 15].

Наука – это сфера деятельности, доктрина – это определенный результат научной деятельности, который не только воплощает знание, но и может быть использован как средство познания. Важно понимать, что не все идеи, составляющие «дисциплинарную матрицу» науки, поименованы. Многое можно рассматривать как результат коллективных усилий – обезличенный, неперсонифицированный, хрестоматийный.

Термин «доктрина» следует развести и с термином «концепция». В. М. Баранов считает доктрину категорией «преимущественно либо сугубо научного творчества» [1, с. 54–56].

Практика использования термина «доктрина» свидетельствует о его востребованности не только в сфере науки, но и в сфере правотворчества для обозначения нормативного документа стратегического планирования (например, Доктрина информационной безопасности, утвержденная Президентом Российской Федерации 09.09.2000 № Пр-1895). Это подчеркивает полиаспектность данного понятия, но не дает повода для его девальвации.

Важным моментом в исследовании пенитенциарно-правовой доктрины является ее разграничение с наукой уголовно-исполнительного права. Последний термин является родовым по отношению к первому. Доктрина более субъективна, с ее помощью легче отражать мнение отдельных ученых или их групп, но не всей плеяды ученых-пенитенциаристов, что, как правило, и не логично, так как единство взглядов в научной среде по отдельным вопросам не всегда достижимо. Безусловно, наука тяготеет к коллективным формам признания, но на фоне индивидуального творчества. Это один из немногих

оставшихся после девальвации духа коллективизма ее оплот. Доктрина обрамляет как продукт коллективного творчества, так и индивидуальные достижения, но в случае поддержки последних со стороны научной школы или научного сообщества, работающих в рамках определенной парадигмы.

Правовые доктрины могут быть классифицированы по различным критериям. Так, Д. А. Полянский и Р. В. Пузиков в зависимости от содержательной стороны выделяют общеправовую доктрину, отраслевую юридическую доктрину и доктрину отдельного правового института [10]. На наш взгляд, говорить о доктрине отдельного правового института нелогично, так как подобный подход девальвирует понятие «доктрина», обезличивает результат деятельности ученого или ученых. За этим термином должен стоять человек – исследователь с определенным стилем научного мышления (метатеоретическим багажом знаний).

Правовая доктрина является носителем определенной правовой идеологии и средством формирования правовой политики. Мы разделяем точку зрения С. В. Батуриной о том, что «правовая доктрина, являясь идейной основой российской правовой системы, в то же время выступает в качестве направляющего вектора развития правовой политики» [2, с. 11].

Попытка системного взгляда на феномен пенитенциарно-правовой политики была предпринята в рамках работы всероссийского «круглого стола», прошедшего на базе Самарского юридического института 12 декабря 2013 г. [9]. В научных публикациях чаще используют термины «пенитенциарная политика» и «уголовно-исполнительная политика». В названиях статей и ключевых словах к ним они встречаются в 214 и 407 публикациях соответственно. Это более емкие (широкие) термины, отражающие изменения и тенденции не только в праве, чем, очевидно, и более удобны при освещении соответствующего сегмента общественных отношений.

Под пенитенциарно-правовой политикой А. В. Малько предложил понимать «научно обоснованную, последовательную и системную деятельность органов государства и институтов гражданского общества по оптимизации пенитенциарной системы и усовершенствованию механизма пенитенциарно-правового регулирования» [9, с. 106]. Говоря о необходимости создания концепции пенитенциарно-правовой политики, А. В. Малько использовал термин «доктринальный документ» [9, с. 107]. Мы

же полагаем, что документ не может быть доктринальным. Доктрина – это «учение, научная или философская теория, политическая система, руководящий теоретический или политический принцип» [14, с. 211]. Для характеристики документов логичнее использовать такие определения, как руководящие, основные, директивные, концептуальные и т. п.

Подчеркнуть влияние пенитенциарно-правовой доктрины на пенитенциарно-правовую политику мы сочли возможным, включив указание на это в предложенную ниже авторскую дефиницию в качестве одного из существенных признаков. Здесь же необходимо обратить внимание на то, что пенитенциарно-правовая доктрина выступает метаязыковым средством формирования уголовно-исполнительной политики. Ее познавательный инструментарий охватывает не только теоретический, но и метатеоретический уровень научного знания – стиль правового мышления, правовые парадигмы, правовую картину мира и др. Это позволяет при формировании пенитенциарно-правовой доктрины использовать инструменты междисциплинарного взаимодействия.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

Наука уголовно-исполнительного права нуждается в самопознании с использованием общенаучных знаний и философских оснований. Это необходимо для систематизации знания в рамках отдельно взятой отрасли. Системность знания является важным критерием его истинности. Одним из инструментов систематизации выступает доктрина как система взглядов. Понятие «пенитенциарно-правовая доктрина» носит

системообразующий характер, является необходимой предпосылкой ведения научного анализа.

Соотношение терминов «наука» и «доктрина» представляется нам следующим: наука определяет прежде всего сферу деятельности, а доктрина – это определенный результат научной деятельности, который не только воплощает знание, но и может быть использован как средство познания. Термин «доктрина» логичнее применять в целях персонализации научных воззрений.

Можно сформулировать несколько рекомендаций по употреблению термина «доктрина» в пенитенциарной сфере:

- исходя из того, что понятие «наука уголовно-исполнительного права» является родовым по отношению к понятию «пенитенциарно-правовая доктрина», целесообразно использовать последнее для отражения мнения отдельных ученых или их групп, но не всего сообщества ученых-пенитенциаристов;

- логичным будет не использовать словосочетание «доктринальный документ», а оперировать терминами «руководящий документ», «основной документ», «директивный документ», «концептуальный документ».

В качестве итога исследования пенитенциарно-правовой доктрины как правовой категории предложим ее авторскую дефиницию: это поликонтекстуальное явление, отражающее как формальные аспекты пенитенциаристики (будучи ее источником), так и ее содержательную сторону (как система взглядов, средство выражения пенитенциарной мысли), выступающее носителем определенной пенитенциарно-правовой идеологии и метаязыковым средством формирования пенитенциарно-правовой политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов, В. М. Концепция законопроекта : учебное пособие / В. М. Баранов. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД РФ, 2003. – 190 с.
2. Батурина, С. В. Традиции российской правовой доктрины : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Батурина Светлана Владимировна. – Краснодар, 2008. – 27 с.
3. Берков, В. Ф. Философия и методология науки : учебное пособие / В. Ф. Берков. – Москва : Новое знание, 2004. – 336 с. – ISBN 5-94735-053-X.
4. Зеленкевич, И. С. Правовая доктрина и правовая наука: некоторые аспекты соотношения и использования в качестве источников права / И. С. Зеленкевич // Северо-Восточный научный журнал. – 2010. – № 2. – С. 42–47.
5. Зозуля, А. А. Доктрина в современном праве : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Зозуля Александр Александрович. – Санкт-Петербург, 2006. – 31 с.
6. Ибрагимов, Ю. Э. Роль судебных доктрин в устранении пробелов в законодательстве / Ю. Э. Ибрагимов // Журнал российского права. – 2019. – № 11. – С. 80–95.
7. Корсаков, К. В. Альтернативы лишению свободы как средство выхода из кризиса современной пенитенциарной практики / К. В. Корсаков // Правоохранительные органы: теория и практика. – 2018. – № 1. – С. 23–26.
8. Мадаев, Е. О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Мадаев Евгений Олегович. – Москва, 2012. – 254 с.
9. Малько, А. В. Пенитенциарно-правовая политика России: конституционные основы (обзор материалов Всероссийского «круглого стола») (Самара, 12 декабря 2013 г.) / А. В. Малько, Р. А. Ромашов, Е. А. Тимофеева // Государство и право. – 2014. – № 12. – С. 106–114.
10. Полянский, Д. А. Правовая доктрина как особое правовое явление / Д. А. Полянский, Р. В. Пузиков // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2013. – № 11 (127). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-doktrina-kak-osoboe-pravovoe-yavlenie> (дата обращения: 01.07.2020).

11. Пузиков, Р. В. Юридическая доктрина в сфере правового регулирования (проблемы теории и практики) : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Пузиков Руслан Владимирович. – Тамбов, 2003. – 196 с.
12. Селиверстов, В. И. Исправительная доктрина и ее влияние на положение лиц, освобожденных от отбывания наказания / В. И. Селиверстов // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – № 2. – С. 65–73.
13. Словарь философских терминов / научный редактор В. Г. Кузнецов. – Москва : ИНФРА-М, 2005. – 731 с. – ISBN 5-16-002328-3.
14. Современный словарь иностранных слов / составитель Н. М. Ланда. – Москва : Русский язык, 1993. – 740 с. – ISBN 5-200-01104-3.
15. Тепляшин, П. В. Теоретические основы современного компаративистского исследования европейских пенитенциарных систем / П. В. Тепляшин // Современное право. – 2015. – № 1. – С. 112–116.
16. Шаханов, В. В. «Горизонтальное» и «вертикальное» структурирование элементов правовой системы как отражение ее метафеноменальности (к вопросу о понятийных рядах правовых категорий) / В. В. Шаханов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 2. – С. 114–119.

REFERENCES

1. Baranov V.M. *Kontseptsiya zakonoproekta. ucheb. posobie* [Concept of a draft law: textbook]. Nizhny Novgorod, 2003. 190 p.
2. Baturina S.V. *Traditsii rossiiskoi pravovoi doktriny. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Traditions of Russian legal doctrine: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Krasnodar, 2008. 27 p.
3. Berkov V.F. *Filosofiya i metodologiya nauki: ucheb. posobie* [Philosophy and methodology of science: textbook]. Moscow: Novoe znanie, 2004. 336 p.
4. Zelenkevich I.S. Legal doctrine and legal science: some aspects of correlation and use as sources of law. *Severo-Vostochnyi nauchnyi zhurnal = North-Eastern Scientific Journal*, 2010, no. 2, pp. 42-47. (In Russ.).
5. Zozulya A.S. *Doktrina v sovremennom prave. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Doctrine in modern law: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Saint Petersburg, 2006. 31 p.
6. Ibragimova Yu.E. The role of judicial doctrines in establishing and elimination of gaps in legislation. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 11, pp. 80-95. (In Russ.).
7. Korsakov K.V. Alternatives to deprivation of liberty as a way out of the crisis of modern penal practice. *Pravookhranitel'nye organy: teoriya i praktika = Law Enforcement Agencies: Theory and Practice*, 2018, no. 1, pp. 23-26. (In Russ.).
8. Madaev E.O. *Doktrina v pravovoi sisteme rossiiskoi federatsii. Diss. ... kand. yurid. nauk* [Doctrine in the legal system of the Russian Federation: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2012. 254 p.
9. Mal'ko A.V., Romashov R.A., Timofeeva E.A. Penal and legal policy of Russia: constitutional foundations (review of materials of an all-Russian round table) (Samara, December 12, 2013). *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2014, no. 12, pp. 106-114. (In Russ.).
10. Polyanskii D.A., Puzikov R.V. Legal doctrine as a special legal phenomenon. *Vestnik TGU = Tambov University Review*, 2013, no. 11 (127). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-doktrina-kak-osoboe-pravovoe-yavlenie> (accessed July 1, 2020). (In Russ.).
11. Puzikov R.V. *Yuridicheskaya doktrina v sfere pravovogo regulirovaniya (problemy teorii i praktiki): dis. kand. yurid. nauk* [Legal doctrine in the sphere of legal regulation (problems of theory and practice): Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Tambov, 2003. 196 p.
12. Seliverstov V.I. Correctional doctrine and its impact on the status of an individual exonerated from serving their sentences. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*, 2018, no. 2, pp. 65-73. (In Russ.).
13. Kuznetsov V.G. (Ed.). *Slovar' filosofskikh terminov* [Dictionary of philosophical terms]. Moscow: INFRA-M, 2004. 731 p.
14. *Sovremenniy slovar' inostrannykh slov* [Modern dictionary of foreign words]. Moscow: Rus. yaz., 1993. 740 p.
15. Teplyashin P.V. Theoretical foundations of modern comparative research on European penal systems. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2015, no. 1, pp. 112-116. (In Russ.).
16. Shakhnov V.V. "Horizontal" and "vertical" structuring of elements of the legal system as a reflection of its meta-phenomenality (revisiting the issue of conceptual series of legal categories). *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' = Legal Policy and Legal Life*, 2019, no. 2, pp. 114-119. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ВИТАЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ЛАПШИН – доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация, профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, г. Владимир, Российская Федерация, профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>, e-mail: ve_lapshin@mail.ru

ВЯЧЕСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ ШАХАНОВ – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Владимир, Российская Федерация, доцент кафедры публично-правовых дисциплин факультета права и управления Владимирского юридического института ФСИН России, г. Владимир, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1251-7886>, e-mail: shakhnov.vyacheslav@mail.ru

VITALII E. LAPSHIN – Doctor of Sciences (Pedagogy), Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Personality Psychology and Special Education at Vladimir State University Named After Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation, professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activity at Vladimir Law Institute of FSIN Russia, Vladimir, Russian Federation, professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>, e-mail: ve_lapshin@mail.ru

VYACHESLAV V. SHAKHANOV – Candidate of Sciences (Law), associate professor of the Department of Theory and History of State and Law at Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Vladimir, Russian Federation, associate professor of the Department of Public Law Disciplines of the Faculty of Law and Management at Vladimir Law Institute of FSIN Russia, Vladimir, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1251-7886>, e-mail: shakhnov.vyacheslav@mail.ru